

Н.Б. Северова

"Эта"

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н11 **Н.Б. Северова**
"Эта" / Н.Б. Северова – М.: Книга по Требованию, 2021. – 356 с.

ISBN 978-5-517-98401-2

С иллюстрациями И.Е.Репина.
Повесть была напечатана в "Неве" под названием "Беглянка".

ISBN 978-5-517-98401-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

* * *

Вотъ и книга, которую вы все ждали. Найдете досугъ — прочтите. Она познакомитъ васъ съ мечтами и стремленіями моей юности. Перелистайте только скорѣе первыя главы — мое монотонное дѣтство. Старая исторія: воспитаніе задавливало въ ребенкѣ личность, а личность боролась и пробивалась къ настоящему свѣту, хотя родилась и росла въ «свѣтѣ».

Всякая среда какъ секта ревнива и ограничена; трудно порвать съ нею; но только съ этого разрыва и начинается освобожденіе личности...

Очень интересуюсь вашимъ отзывомъ.

Н. Сѣверова.

I.

Я родилась въ 1863 году въ одномъ изъ большихъ городовъ средней полосы Россіи, гдѣ отецъ мой былъ губернаторомъ. Мы жили въ обширномъ двухъ-этажномъ казенномъ домѣ. Нашъ садъ, очень старинный, съ густыми липовыми аллеями, выходилъ на полуразрушенную городскую стѣну, съ которой открывался великолѣпный видъ на рѣку и на живописныя окрестности города. Въ самомъ концѣ сада была средневѣковая башня, подъ которой еще зіялъ когда-то существовавшій подземный ходъ; къ этому ходу вели ступени, разрушенныя и заросшія. На случаю уцѣлѣвшей крышѣ какъ-то неувѣренно росла молодая березка, постоянно колеблемая вѣтромъ. И башня, и видъ очень нравились мнѣ и приковывали все мое вниманіе.

Родители мои были люди состоятельные, и домъ нашъ считался открытымъ и хлѣбосольнымъ. Совершенно сознательно начинаю я по-

мнить себя лѣтъ съ семи. Жила я тогда наверху въ трехъ небольшихъ комнатахъ съ моею гувернанткой, Луизой Карловной, и горничной Леонтиной. Зимую меня будили часовъ въ 8, и сейчасъ же послѣ молока я садилась за уроки. Учили меня совершенно просто. Луиза Карловна, бывало, шьетъ или штопаетъ, а я сижу на стулѣ,

таю ногами и, крѣпко прижавшись грудью къ краю стола, старательно переписываю что-нибудь изъ книги, или учу стихи, или дѣлаю сложеніе и вычитаніе на грифельной доскѣ. Часто я отвлекалась отъ урока и смотрѣла въ садъ; я любила знать, чтò тамъ дѣлается, и настроеніе этого кусочка природы всегда дѣйствовало и на меня. Помню я, какъ радостно билось сердце ранней весной, когда снѣгъ таялъ и мѣстами начинала виднѣться черная земля и прошлогодняя травка! Съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я мая, когда раскрывались окна, и въ саду зацвѣтали сирень и жасминъ.

Въ 11 часовъ я бѣжала внизъ здороваться съ мамѣ, которая въ это время въ голубой гостинной пила кофе и читала большое Евангеліе въ старинномъ сафьянномъ переплетѣ. Ноцѣловавъ мамѣ руку, я должна была тщательно продѣлать передъ ней всѣ пять позицій, послѣ чего я старалась какъ можно скорѣе исчезнуть изъ комнаты, чтò, однако, не всегда удавалось мнѣ: иногда мамѣ вдругъ остановитъ меня и заставитъ

читать по-французски или рассказать что-нибудь. Разъ въ недѣлю въ этотъ часъ приходилъ нашъ домашній докторъ, который осматривалъ меня и дѣлалъ различные вопросы Луизѣ Карловнѣ, въ этихъ случаяхъ появлявшейся въ гостиной и почтительно стоявшей посреди комнаты.

— Въ общемъ здорова, говорилъ докторъ: малокровна только и нервна.

Въ 12 часовъ мы завтракали, но я употребляла все усилія, чтобы пораньше затанцевать въ столовую Луизу Карловну, въ надеждѣ увидѣть поскорѣе своего брата Леву. Онъ былъ на пять лѣтъ старше меня. Жилъ онъ во флигелѣ со своимъ старымъ французомъ Жакелемъ. Бывать у него въ гостяхъ позволялось мнѣ очень рѣдко, раза три-четыре въ годъ, не болѣе.

Жизнь Левы казалась мнѣ очень обаятельной. У него было множество самыхъ интересныхъ игрушекъ; коньки, живая лошадка и большой черный водолазъ. Лѣтомъ Левѣ позволяли купаться въ большой рѣкѣ и кататься на лодкѣ. Отецъ иногда бралъ его съ собою путешествовать и за обѣдомъ большіе не только разговаривали съ нимъ, но даже дразнили его, и Лева, радостный и смущенный, нерѣдко вызывалъ своими отвѣтами громкій смѣхъ и шумныя одобренія. Но что больше всего правилось и въ то же время пугало меня, это то, что Лева былъ зна-

комъ съ какимъ-то подземнымъ духомъ Тонтеномъ, въ волшебномъ царствѣ котораго онъ проводилъ ночи.

— Ты развѣ не слышишь иногда ночью рѣзкій свистокъ, это онъ зоветъ меня къ себѣ.

— Неужели онъ? спрашивала я содрогаясь,— я еще на дняхъ слышала... и что же съ тобою тогда дѣлается?

— Со мною? да гдѣ бы я ни былъ, сейчасъ же подо мною раскрывается земля и я исчезаю.

— Слушай,— прошепталъ мнѣ какъ-то разъ особенно таинственно Лева.— Мы вырыли съ моимъ дядькой и товарищами въ одномъ углу сада глубокую, глубокую яму, тамъ у насъ цѣлая комната, но найти ее никто не можетъ, она покрыта досками и дерномъ. Хочешь мы спустимъ тебя внизъ на веревкѣ? у насъ очень хорошо, и стулья и посуда, а главное тамъ очень удобное сообщеніе съ Тонтеномъ.

— Съ Тонтеномъ? Я ни за что не пойду, ну вдругъ я его увижу?

— Ну такъ что же? Да ты не только тамъ, ты всюду можешь увидѣть его; онъ вотъ любитъ являться, когда человѣкъ одинъ въ комнатѣ. Ты вотъ сядешь на диванъ, а онъ вдругъ рядомъ, и смотритъ на тебя пристально, пристально, глаза у него такіе добрые, пронцательные...

Итакъ въ 12 мы завтракали. Лакеи — вдоль стѣнъ, Лева, гувернеръ, Луиза Карловна и я—

у своихъ стульевъ; шопотомъ переговариваясь, ожидали мы появленія старшихъ. Наконецъ, въ гостиниѣ слышались голоса, шумъ шаговъ, и въ комнату входила мамà, большею частью въ сопровожденіи гостей, а за ними, своей важной, тихой походкой, шелъ мой отецъ и въ дверяхъ столовой дѣлалъ общій поклонъ. Я съ трепетомъ подходила къ нему.

— Здравствуйте papà.

Онъ молча протягивалъ мнѣ для поцѣлуя свою красивую руку, отъ которой такъ чудно пахло духами и сигарой.

— Ужасно вкусно пахнетъ, — шепталъ мнѣ часто Лева. — Когда я буду большой, у меня будутъ совсѣмъ такія руки.

За столомъ шелъ общій, оживленный разговоръ, всегда по-французски, если только не присутствовалъ какой-нибудь гость, не говорившій на этомъ языкѣ.

Луиза Карловна сидѣла рядомъ со мною, всегда сконфуженная, красная, скромно складывая между блюдами руки на груди; братъ сидѣлъ между нею и старымъ французомъ, который то и дѣло нагибался къ нему, дѣлая различныя замѣчанія. Лева шопотомъ ворчалъ ему что-то въ отвѣтъ, но только шопотомъ, чтобы не обратить на себя вниманія мамà, которая въ такихъ случаяхъ вопросительно поднимала брови и на весь столъ спрашивала: «qu'est ce qu'il y a?». Этого

«qu'est ce qu'il y a» мы ужасно боялись. Я, впрочемъ, не любила никакихъ вообще замѣчаній и поэтому старалась вести себя примѣрно и въ точности копировать манеры мамà.

Послѣ завтрака большіе уходили въ гостиную пить кофе, Лева немедленно исчезалъ со своимъ Жакелемъ, а я бѣжала навверхъ одѣваться для прогулки. Большею частью мы шли въ городской садъ и чинно обходили его одинъ разъ вокругъ, или же за мною заѣзжала жена предводителя дворянства со своими двумя дѣвочками, и мы медленно катались около часу всегда по однимъ и тѣмъ же улицамъ. Помню я какъ-то разъ вздумалось самой мамà взять меня съ собою покататься.

— Ужасная возня съ дѣтьми, говорила она, нетерпѣливо усаживая меня рядомъ съ собою въ коляску и нервно поправляя мнѣ бантъ подъ подбородкомъ.— Слышишь, сиди смирно, а главное не смѣй захотѣть!— И она внушительно погрозила мнѣ пальцемъ.

Въ четыре часа Луиза Карловна накидывала мнѣ на плечи пелеринку и вела въ большую залу, гдѣ я при двухъ свѣчахъ (зала освѣщалась только къ шести часамъ) должна была играть цѣлый часъ на фортепіано; сама же Луиза Карловна уходила къ себѣ тайкомъ пить кофе. Оставшись одна, я начинала дрожать отъ страха при одной мысли о Тонтенѣ. Играла я

совершенно машинально, боязливо оглядываясь во все стороны и съ величайшимъ нетерпѣніемъ поджидая возвращенія Луизы Карловны.

Вернувшись къ себѣ наверхъ, я съ наслажденіемъ и грустью втягивала въ себя запахъ кофе и старалась пробраться къ Леонтинѣ. Это была моя горничная, привезенная моею матерью изъ Петербурга. Она была родомъ изъ Швеціи, но отлично говорила по-нѣмецки. Я очень гордилась ею. Стройная, красивая, опрятная, она отличалась необыкновенно стойкимъ и ровнымъ характеромъ. Со мною Леонтина была очень строга и требовательна и только иногда тайкомъ она угощала меня въ 5 час. чашкой чаю въ прикуску съ нѣсколькими яркими монпасье. Къ Луизѣ Карловнѣ я питала совсѣмъ другое чувство, чѣмъ къ Леонтинѣ, даже два чувства: когда мы бывали съ нею вдвоемъ—я почти любила ее, а въ обществѣ мнѣ бывало часто стыдно за нее; мнѣ было очень непріятно, что у всѣхъ моихъ знакомыхъ дѣтей гувернантки англичанки или французенки, а у меня у одной, вдругъ, нѣмка, да такая нескладная, старомодная, конфузливая. Потомъ, въ Луизѣ Карловнѣ проглядывало часто что-то беспомощное, жалкое, и это всегда возбуждало во мнѣ чувство брезливости. Помню я, какъ начнетъ она, бывало, зашивать свою полосагую перину или штопать ярко-красные чулки, и вдругъ нахлынуть на нее грустныя думы, лицо

ея начнетъ морщиться и закапають слезы изъ глазъ. Не знаю ужъ, какія чувства грызли это дѣвичье сердце. Лѣтъ ей было 35. Она была очень некрасива: въ особенности портилъ ее сѣрый, нечистый цвѣтъ лица. Весной на нее находили припадки сентиментальности, и въ сумерки она любила ложиться на диванъ и рассказывать мнѣ длинные романы собственнаго сочиненія. Любимой темой ея была безумная любовь, которую онъ (герой) питалъ къ ней (героинѣ), но «онъ» былъ не отъ міра сего; хрупкій организмъ его не вынесъ грубаго соприкосновенія съ жизнью, у него сдѣлалась чахотка, и... mit den ersten Rosen ward er dahin! (съ первыми розами его не стало).

Луиза Карловна проливала нѣсколько слезинокъ.

— Посмотри, Лулу, говорила она мнѣ послѣ длинной паузы, «какія у меня стали мокрыя и холодныя руки отъ волненія, еслибы теперь кто-нибудь пришелъ и поздоровался со мною, я ни за что не дала бы руки и сказала бы: извините, ich bin schwitzig! (Я вспотѣла).

Случалась даже она тушила лампы и въ совершенной уже темнотѣ ложилась на постель и мечтала, а я сидѣла рядомъ скучая. Эти tête-à-tête прерывались иногда очень драматично: вдругъ съ шумомъ открывалась дверь и какъ снѣгъ на голову появлялась мамà. Мы вскакивали и, стал-